

IJTIMOIIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

DOI: 10.67227

ISSN 3060-5059

VOL.3 № 6

2026

**XYU KENNEDINING ABBOSIYLAR XALIFALIGINI O'RGANISHGA QO'SHGAN HISSASI:
QIYOSIY TARIXSHUNOSLIK TAHLILI**

Raxmanova Odinaxon Ravshanbekovna
Farg'ona davlat universiteti, katta o'qituvchi

Annotatsiya

Maqolada Xyu Kennedining Abbosiylar xalifaligini o'rganishga qo'shgan hissasi qiyosiy tarixshunoslik tahlili asosida yoritiladi. Asosiy e'tibor uning armiya, Samarra, farog'ina, turkiy g'ulomlar va IX asr inqirozi haqidagi qarashlariga qaratiladi. Kennedining yondashuvi Bartold, Bosvort, Payps, Gordon, de la Vessyer va Northej tadqiqotlari bilan Samarra haqidagi arxeologik hamda manbashunoslik ma'lumotlari asosida qiyoslanadi.

Kalit so'zlar: Xyu Kennedi, Abbosiylar xalifaligi, Samarra, faragina, g'ulomlar, harbiy qullik, Bartold, Bosvort, Northej.

**ХЬЮ КЕННЕДИ И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ АББАСИДСКОГО ХАЛИФАТА:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Рахманова Одинахон Равшанбековна
Ферганский государственный университет, старший преподаватель

Аннотация

В статье рассматривается вклад Хью Кеннеди в изучение Аббасидского халифата через сравнительный историографический анализ. Особое внимание уделяется его трактовке армии, Самарры, фарагина, тюркских гулямов и кризиса IX века. Подход Кеннеди сопоставляется с работами Бартольда, Босуорта, Пайпса, Гордона, де ля Виссьера и Нортэджа с учётом археологических и источниковедческих данных о Самарре.

Ключевые слова: Хью Кеннеди, Аббасидский халифат, Самарра, фарагина, гулямы, военное рабство, Бартольд, Босуорт, Нортэдж.

**HUGH KENNEDY'S CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE ABBASID CALIPHATE: A
COMPARATIVE HISTORIOGRAPHICAL ANALYSIS**

Raxmanova Odinaxon Ravshanbekovna
Fergana State University, Senior Lecturer

Abstract

The article examines Hugh Kennedy's contribution to the study of the Abbasid Caliphate through a comparative historiographical analysis. Particular attention is paid to his interpretation of the army, Samarra, the Faraghina, Turkish ghilman, and the crisis of the ninth century. Kennedy's approach is compared with the works of Barthold, Bosworth, Pipes, Gordon, de la Vaissière, and Northedge, taking into account archaeological and source-based evidence on Samarra.

Keywords: Hugh Kennedy, Abbasid Caliphate, Samarra, Faraghina, ghilman, military slavery, Barthold, Bosworth, Northedge.

История Аббасидского халифата давно вышла за рамки узкой династической проблематики. Для исследователя раннесредневекового исламского мира она представляет особый интерес прежде всего потому, что именно в VIII–X веках оформились институты, позднее определявшие политическую культуру, административную практику, военную организацию и социальную иерархию многих мусульманских государств. Здесь речь идёт не только о смене правителей или придворных группировок. Аббасидский опыт позволяет увидеть, как власть работала с армией, налоговыми ресурсами, региональными элитами, городским пространством и механизмами легитимации. Не случайно в историографии XX–XXI веков всё большее значение получили исследования, которые стремились объяснить эволюцию халифата не через последовательность правлений, а через внутреннюю динамику его институтов.

Одним из наиболее заметных представителей этого направления стал британский историк Хью Кеннеди. Уже в ранней монографии об Аббасидском халифате он фактически отказался от

понимания политической истории как простого описания правлений халифов. Политика у Кеннеди — это сфера взаимодействия ведущих групп и конкретных лиц внутри государства, а также тех социальных, военных и региональных ресурсов, на которые эти группы опирались [11; 15–17-р.]. Такая постановка вопроса принципиальна: она переводит анализ Аббасидского халифата из плоскости событийного повествования в область институциональной и социально-политической истории.

Актуальность обращения к трудам Кеннеди определяется несколькими обстоятельствами. Прежде всего, он предложил рассматривать Аббасидский халифат как сложную политико-социальную систему, а не как механическую череду правлений отдельных халифов. Кроме того, его анализ армии как института, тесно связанного с обществом, налогообложением и властью, позволил иначе поставить вопрос о кризисах IX века, включая перенос столицы в Самарру и так называемую «самаррскую анархию» [15; 118–147-р.]; [14; 135–151-р.]. Наконец, современные работы по археологии Самарры, истории Центральной Азии и теории военного рабства создают возможность для более строгого сопоставления выводов Кеннеди с новыми источниковыми и интерпретационными данными [10; 47–141-р.]; [9; 7–14-р., 139–267-р.]; [18; 99-р., 170-р.].

В данной статье определён вклад Хью Кеннеди в изучение Аббасидского халифата и показано место его концепций в сравнительной историографии раннеисламского мира. Для этого были рассмотрены ключевые труды Кеннеди по истории Аббасидов, сопоставлены с классической востоковедной традицией В. В. Бартольда и К. Э. Босуорта, выявлены расхождения между интерпретацией Кеннеди и концепцией «военного рабства» Д. Пайпса, а также исследованиями М. Гордона, оценено значение работ Э. де ла Виссьера, А. Нортеджа и археологических проектов по Самарре для уточнения выводов Кеннеди, проанализированы основные понятия его исследовательской модели — профессионализация армии, фарагина, тюркские гулямы и политические последствия Самарры.

Методологическая основа статьи включает сравнительно-историографический анализ, источниковедческую критику, институциональный подход и элементы просопографического анализа. В центре внимания находятся не только отдельные выводы исследователей, но и сами модели объяснения: династическая, регионально-историческая, военно-институциональная, социально-антропологическая и археологическая. Такой ракурс позволяет рассматривать работы Кеннеди не изолированно, а в контексте более широкой дискуссии о природе Аббасидского государства, роли армии и месте центральноазиатских контингентов в политической системе халифата.

Научный вклад Хью Кеннеди в изучение Аббасидского халифата невозможно свести к одной, пусть даже наиболее известной, монографии. Его исследовательская оптика складывалась постепенно: от анализа политической истории раннего периода правления Аббасидского халифата к более широкому рассмотрению армии, общества, придворной среды и самой природы исламской государственности. Именно эта эволюция делает его труды особенно значимыми для современной историографии Аббасидов.

Одной из ранних работ Кеннеди стала монография *The Early Abbasid Caliphate: A Political History* («Ранний период Аббасидского халифата: политическая история»). Уже сама композиция книги показывает, что автор не ограничивается последовательным изложением событий от аббасидской революции до правления аль-Мамуна. Его интересует более сложный процесс: как система власти постепенно подошла к рубежу раннего периода Аббасидского халифата, за которым возникли новая армия, новая столица и иной баланс между халифом, военными группами и провинциальными силами. В этом отношении особенно показательны главы, посвящённые гражданской войне, а также раздел *Ma'mun: An Age of Transition* («аль-Мамун: эпоха перехода») [11; 115–175-р.]. Во введении Кеннеди прямо связывает завершение раннего периода Аббасидского халифата с появлением армии аль-Мутасима и Самарры — то есть с теми явлениями, которые позднее определяют политическую динамику IX в. [11; 15–17-р.].

Особое место в корпусе работ Кеннеди занимает *The Armies of the Caliphs: Military and Society in the Early Islamic State* («Армии халифов: военное дело и общество в раннем исламском государстве»). Здесь армия перестаёт быть второстепенным элементом политического повествования. Кеннеди рассматривает её как самостоятельный социальный институт, тесно связанный с механизмами власти, налоговыми ресурсами, городским населением и придворной борьбой. Его интересуют не только кампании и военачальники, но и более «материальные» стороны

военной системы: набор войск, жалование, вооружение, фортификация, размещение контингентов, отношения между армией и обществом. Для истории Аббасидского халифата особенно важны главы, где анализируются система оплаты войск и армии Самарры [15; 59–95-р., 96–117-р., 118–147-р.].

В этой работе Кеннеди формулирует один из своих ключевых тезисов: исламская армия прошла сложный путь от ранних племенных контингентов, связанных с арабской завоевательной общиной, к более профессионализированным, оплачиваемым и этнически неоднородным войскам. Этот переход не был резким разрывом. Старые элементы сохранялись: арабские военные поселения, хорасанские отряды, *абна' ад-давла*. Но рядом с ними постепенно усиливались новые группы — турки, фарагина, магароба и другие контингенты Самарры [15; 59–95-р., 118–147-р.]. Парадоксально, но именно это сочетание преемственности и перемен позволяет Кеннеди избежать чрезмерно простой схемы, в которой аббасидская армия IX века описывается либо как исключительно «арабская», либо как исключительно «тюркская».

Синтетический характер имеет книга *The Prophet and the Age of the Caliphates: The Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Century* («Пророк и эпоха халифатов: исламский Ближний Восток от VI до XI века»). В данной работе особенно заметно, что Кеннеди рассматривает правление аль-Мамуна и аль-Мутасима как переломный момент между ранним и средним аббасидским периодом. Старая военная опора *абна'* постепенно утрачивала прежнюю роль, тогда как новая система власти всё теснее связывалась с профессиональной армией и Самаррой [12; 135–137-р.]. Разделы, посвящённые Самарре и кризису центральной власти, показывают, что для Кеннеди военная реформа, столичное пространство и политическая нестабильность не являются отдельными сюжетами. Они образуют единую причинно-смысловую цепь [12; 146–151-р.].

Иной ракурс предлагает работа *When Baghdad Ruled the Muslim World: The Rise and Fall of Islam's Greatest Dynasty* («Когда Багдад властвовал над мусульманским миром: возвышение и падение величайшей династии ислама»). В данной книге Кеннеди показывает Аббасидов через историю двора, столицы, придворной культуры, бюрократии и политических конфликтов. Особенно значимы главы о становлении Багдада и формировании придворного мира Аббасидов [16; 11–50-р., 160–199-р.]. Эту книгу нельзя считать узкоспециализированным исследованием военной системы, но она помогает понять, как Кеннеди связывает власть с городской средой Багдада, символическим авторитетом халифата и повседневными практиками двора.

В совокупности эти работы образуют цельную исследовательскую линию. *The Prophet and the Age of the Caliphates* («Пророк и эпоха халифатов») задаёт широкий исторический контекст; *The Armies of the Caliphs* («Армии халифов») раскрывает военный механизм раннеисламского государства; *When Baghdad Ruled the Muslim World: The Rise and Fall of Islam's Greatest Dynasty* («Когда Багдад властвовал над мусульманским миром: возвышение и падение величайшей династии ислама») показывает политико-культурное измерение аббасидской власти. Ранняя монография *The Early Abbasid Caliphate: A Political History* («Ранний период Аббасидского халифата: политическая история») при этом занимает особое место: она связывает политическую историю первых Аббасидов с теми институциональными сдвигами, которые позднее приведут к Самарре и новой военной модели власти. В результате у Кеннеди халифат предстаёт не статичной династической конструкцией, а подвижной системой, где армия, столица, двор, провинции и социальные группы постоянно влияют друг на друга.

Сопоставление Хью Кеннеди с В. В. Бартольд и К. Э. Босуортом позволяет точнее увидеть, в чём именно изменилась исследовательская оптика в изучении Аббасидского халифата и связанных с ним регионов Востока. Эти авторы принадлежат к разным этапам европейской исламоведческой и востоковедной традиции, а потому различаются не только выводами, но и самим способом постановки вопросов.

Бартольд заложил основу критического изучения истории Центральной Азии, прежде всего Мавераннахра, Хорасана и Туркестана до монгольского завоевания. Его метод был в значительной степени источниковедческим и регионально-историческим: он стремился реконструировать политическую историю Центральной Азии, последовательно сопоставляя данные арабских, персидских и тюркских источников [6; 1–77-р., 180–236-р.]. В этой традиции регион выступал не периферийным приложением к истории халифата, а самостоятельным историческим пространством со своей политической логикой, элитами и культурной динамикой.

Босуорт развил другой, но близкий по строгости тип исследования. Его интересовали

династии, титулатура, политическая география и восточноиранские регионы. Работы о Газневидах и справочник *The New Islamic Dynasties* («Новые исламские династии») до сих пор сохраняют значение именно благодаря аккуратной систематизации правящих домов, хронологии и политических структур мусульманского мира [7; 1–32-р.]; [8; 9–11-р., 162–170-р.]. Здесь особенно заметна сила классического востоковедения: точность, внимание к именам, датам, генеалогиям и региональным конфигурациям власти.

Кеннеди ставит вопрос иначе. Его меньше интересует Центральная Азия как отдельный регион сам по себе и больше всего то, каким образом региональные силы включались в общую систему аббасидской власти. Если Бартольд рассматривал Мавераннахр, Хорасан и Туркестан как особые историко-политические пространства, а Босуорт сосредоточивался на династических и политико-генеалогических структурах, то Кеннеди анализирует Аббасидский халифат как имперскую систему. В этой системе провинциальные элиты, военные группы и восточные контингенты действовали не изолированно: они входили в состав халифской армии, двора и провинциальной администрации, а затем сами начинали влиять на баланс власти внутри государства [11; 176–197-р.]; [15; 118–147-р.].

Именно здесь особенно заметно различие между Кеннеди и классической школой. Для Бартольда выходы из Мавераннахра прежде всего связаны с историей Самарканда, Бухары, Ферганы, Согды и Хорасана. У Кеннеди эти же группы оказываются частью более широкой проблемы: как Аббасидский халифат мобилизовал периферийные военные ресурсы и превращал их в один из инструментов центральной власти. Такой подход можно определить как военно-институциональный и имперский. Он не заменяет региональную историю, но переносит акцент с локальной реконструкции на механизмы включения региона в структуру халифата.

Парадоксально, но именно в этом расхождении проявляется преемственность. Кеннеди не отвергает наследие Бартольда и Босуорта; напротив, его построения во многом опираются на источниковедческую и хронологическую базу, созданную классическим востоковедением. Различие заключается в масштабе объяснения. Бартольд и Босуорт реконструируют политическую и региональную ткань мусульманского Востока, тогда как Кеннеди рассматривает халифат как действующую систему, где армия выступает не внешним орудием власти, а одним из её внутренних политических механизмов.

Проблема военных групп, связанных с аль-Мутасимом, Самаррой и последующим усилением тюркских командиров, остаётся одной из самых дискуссионных в изучении Аббасидов IX века. Здесь неизбежно возникает вопрос: кем были эти люди — рабами-воинами, профессиональными служилыми контингентами, военными клиентами халифа или представителями более сложных социальных и региональных структур? Д. Пайпс в книге *Slave Soldiers and Islam: The Genesis of a Military System* («Рабы-воины и ислам: генезис военной системы») предложил широкую интерпретацию военного рабства как особого института исламской политической истории. Его аргументация сосредоточена прежде всего на генезисе системы военных рабов и тех политических последствиях, которые эта система породила в мусульманских государствах [19; 140–151-р., 159–193-р.].

Кеннеди подходит к этому вопросу осторожнее. Он не отрицает значения гулямов и личной зависимости воинов от правителя, однако не превращает «рабство» в универсальный ключ к объяснению всей военной реформы Аббасидов. В центре его анализа стоит иной процесс — профессионализация армии, изменение способов набора, оплаты, размещения и политического использования войск. В отличие от Пайпса, для которого военное рабство выступает главным объяснительным механизмом, Кеннеди рассматривает аббасидскую армию как более сложную и неоднородную структуру, где юридический статус воинов не всегда совпадал с их реальной политической ролью [15; 59–95-р., 118–147-р.]; [14; 136–137-р.].

М. Гордон в монографии *The Breaking of a Thousand Swords: A History of the Turkish Military of Samarra* («Сломать тысячу мечей: история турецкой армии Самарры») ещё заметнее усложняет эту картину. Самаррские тюрки у него предстают не только как военные рабы или наёмники, а как особое военное сообщество со своей внутренней иерархией, патронажными связями, политическими интересами и региональными сетями. В этом контексте особенно значимы его главы о поселении в Самарре, политической арене и практиках реализации власти тюркскими военными группами [10; 47–141-р.]. Именно здесь Гордон оказывается ближе к Кеннеди, чем к более жёсткой модели Пайпса: оба исследователя видят в армии Самарры не простой аппарат

насилия, а социально-политическую силу, способную действовать самостоятельно.

Различие между Кеннеди и Гордоном связано прежде всего с масштабом анализа. Кеннеди помещает тюркские и центральноазиатские контингенты в длинную линию эволюции раннеисламской армии — от завоеваний VII века до кризисов X века. Гордон, напротив, сознательно сужает фокус и подробно исследует Самарру как среду формирования тюркского военного сообщества IX века. Поэтому его работа не опровергает Кеннеди. Она действует иначе: уточняет одну из ключевых тем его концепции и показывает её внутреннюю сложность.

Особое место в этой дискуссии занимает статус фарагина — выходцев из Ферганы и, шире, восточноиранско-центральноазиатских военных групп. У Кеннеди они входят в круг разнородных самаррских контингентов наряду с тюрками, магароба и другими группами [15; 119-р., 124–127-р.]. У Гордона фарагина также появляются в связи с самаррским военным устройством и распределением кварталов [10; 37-р., 59–60-р.]. Не менее показательны данные ат-Табари: они фиксируют присутствие ферганских войск на службе халифата уже при аль-Мутасиме и свидетельствуют об их участии в событиях самаррского кризиса [1; 68–69-р., 71-р., 133-р., 212-р.]; [3; 12–13-р.].

Из этого материала вытекает существенный методологический вывод. Фарагина нельзя автоматически отождествлять ни с тюркскими гулямами, ни с «рабской армией» в строгом смысле слова. Их происхождение, статус и связи с региональными элитами Мавераннахра требуют самостоятельного анализа. В этом отношении особенно ценны работы Босуорта и де ла Виссьера: они позволяют увидеть за краткими военными обозначениями не только служилые контингенты, но и более глубокий процесс интеграции центральноазиатской знати в аббасидские структуры власти.

Современная историография заметно расширила круг вопросов, с которыми работал Кеннеди. Там, где его модель давала широкую военно-институциональную рамку, новые исследования стали уточнять социальное происхождение военных групп, региональные связи элит и материальную структуру аббасидской власти. Особенно показателен в этом отношении труд Э. де ла Виссьера *Samarcande et Samarra: Élités d'Asie centrale dans l'Empire Abbasside* («Самарканд и Самарра: элиты Центральной Азии в Аббасидской империи»). Эта книга прямо обращена к проблеме интеграции центральноазиатских элит в Аббасидскую империю. Автор начинает с критического пересмотра прежних подходов к военному рабству, а затем разворачивает анализ центральноазиатского материала в двух крупных частях исследования [9; 7–14-р., 15–138-р., 139–267-р.]. Такой ракурс принципиален: Самарра здесь предстаёт не только как пространство тюркских воинов, но и как узел аристократических, военных и региональных связей выходцев из Центральной Азии.

В этом пункте де ла Виссьер не столько спорит с Кеннеди, сколько делает его общую схему более плотной и конкретной. Кеннеди показывает, что аббасидская армия постепенно становится профессиональной и этнически неоднородной. Де ла Виссьер задаёт следующий, более точный вопрос: какие именно центральноазиатские группы входили в халифскую систему, какими были их социальные корни и почему их нельзя безоговорочно включать в категорию военных рабов [9; 139–267-р.]. Этот сдвиг заставляет осторожнее обращаться с обобщающими терминами. За обозначениями вроде «тюрки» или «восточные контингенты» могли скрываться разные по происхождению, статусу и политическим возможностям группы.

Не менее существенную корректировку вносит археология Самарры. А. Нортедж в *The Historical Topography of Samarra* («Историческая топография Самарры») рассматривает город не просто как столицу Аббасидов, а как особую пространственную форму власти. В поле его анализа входят дворцы, мечети, военные кварталы, зоны размещения служилых групп, дороги, ипподромы, охотничьи территории и административные пространства. Для темы фарагина особенно примечательны его наблюдения о локализации кварталов и различии групп в городской топографии Самарры [17; 99-р., 170-р.]. На этом материале перенос столицы в Самарру выглядит уже не как обычная смена резиденции. Скорее, аль-Мутасим создал новую политико-военную среду, где армия отделялась от населения Багдада пространственно, но при этом оказывалась непосредственно связанной с двором и халифской властью.

Позднейшие проекты, включая *Archaeological Atlas of Samarra* («Археологический атлас Самарры») Нортеджа и Кеннета, а также дистанционное картографирование и мониторинг состояния памятников, позволяют оценить масштаб Самарры как одного из крупнейших

раннеисламских городских комплексов [18]. Эти данные хорошо согласуются с главным направлением аргументации Кеннеди: Самарра была не только столицей, но и материальным выражением новой модели власти — города, организованного вокруг армии, двора и механизмов халифского контроля. Археология здесь не отменяет выводы Кеннеди. Она делает их более зримыми, проверяемыми и привязанными к конкретному пространству.

Одна из центральных идей Кеннеди связана с постепенным переходом от ранней племенной армии к более профессиональным военным структурам. В раннеисламский период армия строилась вокруг арабских племенных групп, участвовавших в завоеваниях и получавших жалование через государственный диван. Однако Кеннеди интересуется не только этнический состав войск. В *The Armies of the Caliphs* («Армии халифов») он рассматривает эту проблему шире — через систему оплаты, характер военной службы и связь армии с государственными ресурсами [15; 59–95-р.].

Уже при Омейядах эта модель начала меняться, а при Аббасидах процесс стал особенно заметным. Хорасанские войска, сыгравшие ключевую роль в аббасидской революции, превратились в одну из опор новой династии. Позднее военная система усложнилась ещё больше: рядом с *абна' ад-давла* действовали тюркские воины, фарагина, магароба и другие контингенты. Эти группы уже нельзя описывать как простое продолжение племенной армии раннего ислама. Их положение определяли жалование, придворный патронаж, возможность военной карьеры и доступ к ресурсам государства [15; 96–147-р.]; [14; 135–137-р.].

Парадоксально, но именно профессионализация, призванная укрепить центральную власть, постепенно создала для неё новые ограничения. С одной стороны, халиф получал войска, менее зависимые от старых арабских племенных структур. Это расширяло его политический манёвр. С другой — профессиональная армия всё заметнее превращалась в самостоятельный фактор власти. Военные командиры и группировки могли воздействовать на назначение халифов, контролировать двор и участвовать в распределении государственных доходов. Кеннеди связывает эту логику с кризисами IX века, а данные ат-Табари позволяют увидеть её в конкретных политических эпизодах самаррского периода [14; 146–151-р.]; [3; 34–75-р.].

Отдельного анализа требует вопрос о фарагина. Сам термин связан с Ферганой и обозначает контингенты восточного происхождения, вошедшие в аббасидскую военную систему. В историографии их нередко помещают в общий ряд «тюркских» или «центральноазиатских» войск, но такое обобщение не вполне безопасно методологически. За ним легко потерять различия в происхождении, статусе и политических связях этих групп. Фарагина могли включать выходцев из Ферганы и соседних областей Мавераннахра, однако их положение не следует автоматически приравнивать к статусу тюркских гулямов.

У Кеннеди фарагина выступают как один из элементов этнически и регионально неоднородной армии Самарры [15; 119-р., 124–127-р.]. Такой подход позволяет избежать двух крайностей: с одной стороны, сведения всех восточных контингентов к «рабам», с другой — их безоговорочного отождествления с тюрками. В сопоставлении с Босуортом и де ла Виссьером становится очевидно, что фарагина нужно рассматривать в более широком контексте — как часть процесса включения Мавераннахра и сопредельных областей в политическую и военную систему Аббасидского халифата [8; 9–11-р., 162–170-р.]; [9; 15–138-р., 139–267-р.].

Здесь особенно ценны первичные данные ат-Табари. В томе XXXIII перевода *The History of al-Tabarī* («История ат-Табари» / «История пророков и царей») ферганские войска упоминаются в связи с кампаниями времени аль-Мутасима; индекс фиксирует соответствующие места как *Farghānah/Farghānian troops* («ферганские войска») [1; 68–69-р., 71-р., 133-р., 212-р.]. В томе XXXV, где рассматривается кризис 862–869 гг., фарагина появляются уже в контексте самаррской борьбы вокруг аль-Мустаина и военных групп, действовавших как самостоятельная политическая сила [3; 12–13-р.].

Этот материал заставляет пересмотреть упрощённое понимание фарагина как второстепенного этнонима. В аббасидской армии они были не просто одной из многочисленных служилых групп, а показателем более глубокого процесса — включения Мавераннахра в военно-политическую систему халифата. Последствия этой интеграции ощущались не только в Багдаде и Самарре. Они затрагивали и саму Центральную Азию, где местные элиты получали новые каналы карьеры, легитимации и влияния.

Кеннеди признаёт, что тюркские гулямы сыграли заметную роль в истории Аббасидов IX

века, особенно при аль-Мутасиме и его ближайших преемниках. Но он не спешит превращать сам термин *ghulām* в однозначную юридическую категорию. В разных контекстах это слово могло обозначать не только «раба-солдата» в строгом смысле, но и зависимого военного клиента, молодого служилого человека, придворного воина или профессионального военного, связанного с патроном [15; 118–147-р.]; [14; 136–137-р.]. Такая осторожность принципиальна: без неё легко принять термин источника за готовую социальную характеристику.

Именно здесь Кеннеди расходится с Пайпсом. Для Пайпса модель «военного рабства» выступает одним из ключевых объяснительных инструментов при анализе исламских военных систем. Кеннеди же переносит центр тяжести с юридического статуса отдельного воина на изменение самой военной организации. Его интересует, как аббасидская армия IX века становилась более профессиональной, более зависимой от центрального финансирования и всё менее связанной со старыми арабскими племенными основаниями. Рабство, безусловно, входило в этот процесс, но не исчерпывало его содержания [19; 140–151-р.]; [15; 118–147-р.].

Исследование Гордона подтверждает необходимость такого более осторожного подхода. Анализируя самаррских тюрок, он показывает, что тюркские военные группы обладали внутренней структурой, собственной элитой, патронажными сетями и политической субъектностью. Они не были простым инструментом в руках халифа. Напротив, уже в IX веке эти группы могли самостоятельно воздействовать на власть, участвовать в придворной борьбе и влиять на политические решения [10; 47–141-р.]. В этом смысле Самарра демонстрирует не только силу халифской военной реформы, но и её внутренний риск.

Так называемая «самаррская анархия» 861–870 гг. занимает в анализе Кеннеди особое место. В традиционном изложении этот период часто выглядит как череда дворцовых переворотов, убийств халифов и столкновений военных командиров. Кеннеди предлагает более структурное объяснение. Кризис, по его мнению, вырос не только из слабости отдельных правителей, но и из изменившегося соотношения сил между халифом, армией, двором и фискальными ресурсами [14; 146–151-р.].

Профессиональная армия требовала регулярного и значительного финансирования. Военные командиры обладали реальной силой; они могли контролировать доступ к халифу, влиять на двор и вмешиваться в распределение государственных доходов. Самарра, задуманная как город военной монархии, парадоксальным образом усилила зависимость халифата от тех групп, которые должны были служить его опорой. Армия всё меньше оставалась только инструментом власти и всё заметнее превращалась в арбитра политической легитимности. Эту зависимость подчёркивает и предисловие переводчика к XXXV тому ат-Табари, где говорится о зависимости халифов от профессиональной иностранной армии и о роли выплат войскам в развитии политического кризиса [3].

Сама событийная ткань кризиса прослеживается в том же томе ат-Табари: от первых событий после смерти аль-Мунтасира и роли военных групп до гражданской войны между аль-Мустаином и аль-Мутаззом, а также последующих событий 253–255 гг. хиджры [3; 1–2-р., 12–13-р., 34–75-р., 145–164-р.]. Эти данные позволяют отказаться от морализаторского объяснения «упадка» Аббасидов. Речь шла не просто о слабости династии или личной неспособности отдельных халифов, а о глубоком институциональном противоречии: власть нуждалась в профессиональной армии для сохранения контроля, но сама эта армия постепенно ограничивала самостоятельность халифата.

Работы Кеннеди сохраняют высокую научную ценность, однако новые исследования позволяют точнее увидеть сильные и уязвимые стороны его модели. Прежде всего, археология Самарры конкретизирует пространственное измерение его выводов. У Кеннеди Самарра выступает как политико-военный проект, связанный с новой армией и изменением характера халифской власти. У Нортеджа эта идея получает топографическое наполнение: дворцы, мечети, военные кварталы и зоны размещения служилых групп показывают, как власть организовывала себя в городском пространстве [17; 99-р., 170-р.]; [12; 323–324-р.].

Проект «Archaeological Atlas of Samarra» («Археологический атлас Самарры») усиливает эту линию. Он фиксирует тысячи объектов на территории аббасидской столицы и позволяет оценить масштаб градостроительного эксперимента IX в. [18]. На этом фоне тезис Кеннеди о военной реформе получает дополнительное подтверждение: изменения затрагивали не только состав армии и кадровую политику. Они преобразовывали саму городскую структуру власти.

Самарра стала пространством, где армия, двор и халифский контроль были связаны не отвлечённо, а материально — через кварталы, дороги, резиденции и зоны размещения военных групп.

Другое направление корректировки связано с историей Центральной Азии. Де ла Виссьер показывает, что выходцев из Мавераннахра и сопредельных регионов нельзя рассматривать как обезличенные военные элементы. За ними стояли элитные сети, региональные традиции, аристократические статусы и конкретные механизмы интеграции в империю [9; 7–14-р., 15–138-р., 139–267-р.]. Этот материал уточняет подход Кеннеди. Профессионализация армии была не только результатом решений халифов; она развивалась во взаимодействии с уже существовавшими военными и аристократическими структурами Центральной Азии.

Третий важный аспект связан с критикой универсальной теории «военного рабства». Современные исследования показывают, что раннеаббасидская ситуация не укладывается в простую схему «свободная племенная армия → рабская армия». Тюрки, фарагина, хорасанцы и другие группы имели разные статусы, формы зависимости и политические возможности. Поэтому более убедительным выглядит не жёсткое следование модели Пайпса, а комбинированный подход, при котором рабство, клиента («покровитель — зависимый сторонник»), профессионализация, этническая мобилизация, региональные элиты и фискальные механизмы рассматриваются вместе.

Есть и ограничения, которые нельзя обходить. Реконструкции Кеннеди во многом зависят от арабских хроник, прежде всего от ат-Табари, аль-Якуби и других авторов, писавших с позиции образованной городской элиты. Эти источники хорошо передают дворцовую и политическую борьбу, но значительно хуже позволяют увидеть повседневную жизнь рядовых воинов. Кроме того, в ранних работах Кеннеди материальная культура занимает меньше места, чем в современных археологических исследованиях. Это не умаляет его вклада. Скорее, перед нами обычная логика развития науки: сильная объяснительная модель становится основой для последующих уточнений, проверок и локальных корректировок.

Заключение

Хью Кеннеди занимает заметное место в современной историографии Аббасидского халифата. Его значение связано не только с изложением политической истории, но и с изменением самого исследовательского ракурса. Он предложил рассматривать халифат как сложную систему, в которой армия, общество, финансы, столица, двор и региональные элиты находились в постоянной взаимосвязи.

На фоне классической востоковедной школы Бартольда и Босуорта подход Кеннеди выглядит более военно-институциональным. Он переносит акцент с регионально-династической реконструкции на механизмы функционирования халифской власти. В сравнении с Пайпсом Кеннеди избегает чрезмерного сведения аббасидской военной системы к модели «военного рабства». Рядом с Гордоном его подход шире по хронологическому и институциональному охвату, хотя менее детализирован в отношении внутренней структуры самаррских тюрок. В сопоставлении с де ла Виссьером становится видно другое ограничение: Кеннеди меньше внимания уделяет центральноазиатским элитам как самостоятельному объекту исследования, но именно его модель помогает понять, каким образом эти элиты включались в халифскую армию.

Особую значимость имеет его анализ перехода от племенной армии к профессиональной. Этот переход объясняет не только военные реформы Аббасидов, но и политические кризисы IX века. В такой перспективе самаррская анархия перестаёт выглядеть случайным периодом хаоса. Она предстаёт результатом структурного противоречия: халифская власть усиливала армию ради сохранения империи, но усиленная армия постепенно превратилась в самостоятельного политического субъекта.

Проблема фарагина и выходцев из Мавераннахра особенно хорошо показывает сложность этой системы. Аббасидская армия была не просто тюркской и не просто рабской. Она включала различные восточные контингенты, региональные элиты и военные группы с разными формами зависимости и политического влияния. Поэтому работы Кеннеди сохраняют значение, но требуют прочтения вместе с исследованиями Босуорта, Гордона и де ла Виссьера.

Археологические данные по Самарре, прежде всего исследования Нортеджа и проекты дистанционного картографирования, подтверждают один из главных выводов Кеннеди: военная трансформация Аббасидского халифата имела не только политический, но и социально-пространственный характер. Самарра была не просто столицей. Она стала материальным выражением новой военно-дворцовой модели власти.

Вклад Кеннеди в исламскую историографию заключается в том, что он связал политическую историю, военную историю и социальный анализ в единую объяснительную модель. Его труды остаются необходимой основой для изучения Аббасидского халифата. Наиболее продуктивно они работают не как окончательная схема, а как аналитическая рамка, которую необходимо сопоставлять с новыми источниковедческими, археологическими и региональными исследованиями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Al-Ṭabarī A. J. M. ibn J. The History of al-Ṭabarī. Vol. XXXIII: Storm and Stress along the Northern Frontiers of the 'Abbāsid Caliphate: The Caliphate of al-Mu'taṣim A.D. 833–842/A.H. 218–227 / trans. and annot. by C. E. Bosworth. Albany: State University of New York Press, 1991.
2. Al-Ṭabarī A. J. M. ibn J. The History of al-Ṭabarī. Vol. XXXIV: Incipient Decline: The Caliphates of al-Wāthiq, al-Mutawakkil and al-Muntaṣir, A.D. 841–863/A.H. 227–248 / trans. and annot. by J. L. Kraemer. Albany: State University of New York Press, 1989.
3. Al-Ṭabarī A. J. M. ibn J. The History of al-Ṭabarī. Vol. XXXV: The Crisis of the 'Abbāsid Caliphate: The Caliphates of al-Musta'in and al-Mu'tazz, A.D. 862–869/A.H. 248–255 / trans. and annot. by G. Saliba. Albany: State University of New York Press, 1985.
4. Al-Ya'qūbī I. W. The Works of Ibn Wāḍih al-Ya'qūbī: An English Translation: in 3 vols. / ed. by M. S. Gordon, C. F. Robinson, E. K. Rowson, M. Fishbein. Leiden; Boston: Brill, 2018.
5. Al-Mas'ūdī. The Meadows of Gold: The Abbasids / trans. and ed. by P. Lunde, C. Stone. London: Kegan Paul International, 1989.
6. Barthold W. Turkestan Down to the Mongol Invasion. 2nd ed. London: Luzac & Co. for the Trustees of the E. J. W. Gibb Memorial, 1928.
7. Bosworth C. E. The Ghaznavids: Their Empire in Afghanistan and Eastern Iran, 994–1040. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1963.
8. Bosworth C. E. The New Islamic Dynasties: A Chronological and Genealogical Manual. New York: Columbia University Press, 1996.
9. De la Vaissière É. Samarcande et Samarra: Élités d'Asie centrale dans l'Empire abbasside. Leuven: Peeters; Paris: Association pour l'avancement des études iraniennes, 2007.
10. Gordon M. S. The Breaking of a Thousand Swords: A History of the Turkish Military of Samarra (A.H. 200–275/815–889 C.E.). Albany: State University of New York Press, 2001.
11. Kennedy H. The Early Abbasid Caliphate: A Political History. London: Croom Helm; Totowa, NJ: Barnes & Noble, 1981.
12. Kennedy H. The Early Abbasid Caliphate: A Political History. Routledge Revivals ed. London; New York: Routledge, 2016.
13. Kennedy H. The Prophet and the Age of the Caliphates: The Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Century. London; New York: Longman, 1986.
14. Kennedy H. The Prophet and the Age of the Caliphates: The Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Century. 3rd ed. London; New York: Routledge, 2016.
15. Kennedy H. The Armies of the Caliphs: Military and Society in the Early Islamic State. London; New York: Routledge, 2001.
16. Kennedy H. When Baghdad Ruled the Muslim World: The Rise and Fall of Islam's Greatest Dynasty. Cambridge, MA: Da Capo Press, 2005.
17. Northedge A. The Historical Topography of Samarra. London: British School of Archaeology in Iraq, 2005.
18. Northedge A., Kennet D. Archaeological Atlas of Samarra: in 3 vols. London: The British Institute for the Study of Iraq, 2015.
19. Pipes D. Slave Soldiers and Islam: The Genesis of a Military System. New Haven; London: Yale University Press, 1981.